

УДК 903.27

doi 10.17072/2219-3111-2023-1-146-159

Ссылка для цитирования: *Ерохина О. В., Захаров В. Ю.* Деятельность Негласного Комитета: новые подходы к решению дискуссионных вопросов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1(60). С. 146–159.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГЛАСНОГО КОМИТЕТА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ

О. В. Ерохина

Московский педагогический государственный университет, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 88;
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 105082, Россия, Москва, Рубцовская наб., 2/18

ov.erokhina@mpgu.su

ORCID: 0000-0001-5158-7110

ResearcherID: HRE-0060-2023

Scopus Author ID: 57210936427

В. Ю. Захаров

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 105082, Россия, Москва, Рубцовская наб., 2/18;

Московский педагогический государственный университет, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 88;

Московский авиационный институт, 125080, Россия, Москва, Волоколамское ш., 4

ivz1974@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4308-5943

Scopus Author ID: 57222963113

В первые годы правления Александра I был создан Негласный Комитет (кружок «молодых друзей»), который оказывал определенное воздействие на формирование внутреннего и внешнего политического курса. Они считали, что должны сконцентрировать внимание на изучении положения дел в Российской империи, чтобы в дальнейшем подготовить и провести необходимые преобразования. В нем принимали участие П. А. Строганов, его двоюродный брат Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей и А. Чарторижский. Под влиянием Негласного Комитета Александром I была проведена часть реформ в начале XIX в. Однако «молодые друзья» действовали неофициально и с определенной долей секретности. Поэтому официального делопроизводства заседаний не велось. Именно эти факторы позже приведут к появлению разных точек зрения относительно деятельности Негласного Комитета. Авторы статьи преследуют несколько целей: определить хронологические рамки существования Негласного Комитета, состав и цели создания, выявить его место в политической системе александровской эпохи, установить роль в расстановке сил в придворных кругах, дать оценку итогам деятельности. Для раскрытия этих целей были проанализированы источники и существующая в настоящий момент литература о Негласном Комитете. Авторы пришли к выводу, что верхнюю границу деятельности Негласного Комитета следует увеличить как минимум до 1805 г., а нижней границей считать не первое заседание 24 июня 1801 г., а деятельность кружка «молодых друзей» 1797–1799 гг. как своеобразный подготовительный этап. По мнению авторов, в состав Негласного Комитета следует включить Александра I, который председательствовал на его заседаниях и определял повестку дня, а также Ф. Лагарпа как своеобразного ассоциированного члена. В вопросе о месте Негласного Комитета в расстановке политических сил в придворных кругах авторы пришли к выводу, что Негласный Комитет играл двойную роль. С одной стороны, был новой «командой» и опорой молодого императора, созданной для разработки и проведения серьезных политических и социальных реформ, и одновременно выполнял роль своеобразного заслона против попыток «заговорщиков» и части «екатерининских стариков» во главе с Г. Р. Державиным ограничить верховную власть в аристократических интересах. Проанализировав перечень мероприятий, проведенных Негласным Комитетом, установлено, что его деятельность не была безрезультатной, хотя реализовано в силу ряда причин было далеко не все, что задумывалось.

Ключевые слова: Негласный Комитет, «молодые друзья», Александр I, Российская империя, реформаторская деятельность.

Введение

В июне 2021 г. исполнилось 220 лет с начала деятельности так называемого Негласного Комитета, сыгравшего особую роль в политической истории России начала XIX в. Впервые в научных кругах информация о его существовании появилась в 1866–1871 гг. после издания работ М. И. Богдановича и А. Д. Градовского¹, а затем А. Н. Пыпина (*Богданович*, 1866) [*Градовский*, 1866; *Пыпин*, 1871]. Именно в их работах появился термин «Негласный Комитет», впоследствии ставший общепризнанным в научной литературе². Вторая волна интереса к Негласному Комитету приходится на рубеж XIX–XX вв., когда появляются работы Н. К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича, М. В. Довнар-Запольского, издаются на русском языке мемуары одного из участников Негласного Комитета князя А. Чарторижского³ [*Шильдер*, 1879; *Вел. кн. Николай Михайлович*, 1903; *Довнар-Запольский*, 1910] (*Чарторижский*, 1912, 1913). Именно в это время окончательно формируется основная источниковая база исследования деятельности Негласного Комитета. Н. К. Шильдер в приложениях ко второму тому своей книги об Александре I опубликовал большую часть записок П. А. Строганова, связанных с обстоятельствами образования Негласного Комитета [*Шильдер*, 1897], а великий князь Николай Михайлович во втором томе своего исследования о П. А. Строганове привел полный оригинальный текст «Протоколов Негласного Комитета» на французском языке [*Вел. кн. Николай Михайлович*, 1903].

Следующей вехой в изучении вопросов, связанных с деятельностью Негласного Комитета, можно считать появление в 1924 г. обобщающей работы А. Е. Преснякова, поддержавшего в целом концепцию А. Н. Пыпина [*Пресняков*, 1924]. Затем по вполне понятным причинам наступил длительный перерыв, прерванный появлением работ С. Б. Окуня и А. В. Предтеченского [*Окунь*, 1948, 1956; *Предтеченский*, 1957]. Оба исследователя внесли значительный вклад в изучение реформ в начале XIX в., но по ряду вопросов почти кардинально разошлись во мнениях. С. Б. Окунь в целом придерживался концепции «заигрывания с либерализмом», восходившей к трудам Н. К. Шильдера, господствовавшей тогда в советской историографии. А. В. Предтеченский в большей степени придерживался концепции «приспособления правящего режима к изменившимся социально-экономическим условиям», впервые сформулированной в работах А. Н. Пыпина и А. Е. Преснякова.

Затем в изучении деятельности Негласного Комитета наступил длительный перерыв почти в четверть века, после которого появляются капитальные монографии Н. В. Минаевой, С. В. Мироненко и М. М. Сафонова, признанные в научном сообществе в качестве классических по данной проблематике [*Минаева*, 1982; *Мироненко*, 1989; *Сафонов*, 1976, 1988]. В 1990-е гг. серьезных работ по данной теме опубликовано не было. В 2000-е гг. интерес к Негласному Комитету постепенно возобновился, о чем свидетельствуют статьи в периодических изданиях. К различным сторонам деятельности Негласного Комитета в своих исследованиях обращались Л. Ф. Писарькова, М. А. Приходько, А. В. Демкин, А. Н. Долгих, Ю. Э. Арискина, Н. П. Филиппова, а также В. Ю. Захаров [*Писарькова*, 2009, 2011; *Приходько*, 2012; *Демкин*, 2012; *Долгих*, 2018; *Арискина*, 2015; *Филиппова*, 2017; *Захаров*, 2002, 2008, 2011, 2017].

В зарубежной историографии специальных работ по изучению деятельности Негласного Комитета не выходило. Можно отметить только монографию американского историка русского происхождения Марка Раева по исследованию планов политических преобразований у части правящей элиты Российской империи с 1732 по 1905 г. Но Негласный Комитет оказался у него в тени преобразовательных планов М. М. Сперанского [*Raeff*, 1966]. То же самое можно сказать о работах А. Валлотона и М.-Р. Рей, анализировавших жизнь и деятельность Александра I [*Валлоттон*, 1991; *Рэй*, 2013]. Представляет определенный интерес статья американской исследовательницы Викторией Фреде «Общественное мнение, его облик сверху: Негласный Комитет Александра I», переведенная на русский язык и опубликованная в «Новом литературном обозрении» в 2018 г. Деятельность Негласного Комитета рассматривается в необычном методологическом ракурсе, как некий институт дополитической публичной сферы, созданный под влиянием сентиментализма, с упором на высокие моральные качества участников, но одновременно стоящий над формирующимся общественным мнением петербургской политической элиты

[Фреде, 2018]. Однако, на наш взгляд, рассуждения и выводы В. Фреде недостаточно логически аргументированы.

На первый взгляд, тема создания и деятельности Негласного Комитета изучена досконально во всех возможных ракурсах. Однако, во-первых, до сих пор отсутствует обобщающая монография обо всей деятельности Негласного Комитета, а не только об отдельных ее фрагментах, отсутствует и публикация перевода всех «Протоколов Негласного Комитета» на русский язык. Во-вторых, при наличии большого массива научной литературы о Негласном Комитете ряд вопросов по-прежнему является нерешенным или дискуссионным, например: о хронологических рамках, составе, целях его создания и деятельности, месте и роли в расстановке политических сил в придворных кругах того времени, итогах его деятельности и др. Целями статьи являются анализ этих дискуссионных вопросов и выявление того, что достаточно изучено к настоящему моменту, а что требует дальнейшего изучения.

Хронологические рамки деятельности Негласного Комитета

На наш взгляд, вопрос этот первостепенной важности, так как без его правильного решения весь дальнейший анализ деятельности Негласного Комитета приобретет искаженный характер, и мы не сможем корректно реконструировать картину происходившего. Следует отметить, что неофициальный характер Негласного Комитета имел следствием явный недостаток дошедших до нас источников, связанных с его деятельностью. По сути, их всего два: это так называемые «Протоколы Негласного Комитета» П. А. Строганова, опубликованные в полном объеме на французском языке в работе вел. князя Николая Михайловича в 1903 г. и примыкающие к ним проекты и записки П. А. Строганова, а также мемуары князя Адама Чарторижского, опубликованные с предисловием и комментариями А. Кизеветтера в 1912–1913 гг. После публикации Николаем Михайловичем полного варианта «Протоколов» и в дореволюционной, и в советской историографии утвердилось мнение, что эти записки были именно протоколами заседаний Негласного Комитета, которые скрупулезно вел один из его участников П. А. Строганов. Поэтому долгое время считалось, что хронологические рамки существования Негласного Комитета и количество его заседаний могут быть определены по ним. Первый протокол датирован 24 июня 1801 г., а последний 12 мая 1802 г., также есть еще четыре записки заседаний октября – ноября 1803 г. Таким образом, было принято считать, что Негласный Комитет в период с 24 июня 1801 г. по 12 мая 1802 г. действовал регулярно, проведя 35 заседаний, а затем, прервав свои заседания на 1,5 года, собрался четыре раза осенью 1803 г., после чего вовсе прекратил свое существование.

Долгое время эта точка зрения была господствующей в исторической литературе [Шильдер, 1897, с. 273–274; Вел. кн. Николай Михайлович, 1903, с. XXI; Предтеченский, 1957, с. 208] и, как следствие, в учебных пособиях по отечественной истории [История СССР..., 1967, с. 67–69]. Подобный подход к определению хронологических рамок деятельности Негласного Комитета преобладает и в современной учебной литературе [Дворниченко и др., 2009, с. 220–221; Деревянко, Шабельникова, 2011, с. 170–171]. Однако в 1976 г. ленинградский историк М. М. Сафонов после тщательного исследования «Протоколов», а также найденной им в архивах части неопубликованной переписки П. А. Строганова с В. П. Кочубеем и А. Чарторижским, пришел к выводу, что в «Протоколах» П. А. Строганова отражены далеко не все заседания Негласного Комитета, и, следовательно, хронологические рамки его деятельности должны быть пересмотрены [Сафонов, 1976, с. 191–210]. Основные аргументы М. М. Сафонова следующие. Во-первых, записки П. А. Строганова не являются протоколами заседаний Негласного Комитета в прямом смысле этого слова. Скорее, это источник мемуарно-дневникового характера, сформированный на основе действительно черновых полупротокольных записей, которые вел П. А. Строганов на заседаниях комитета «для себя», а затем записывал дома, причем многое по памяти и значительное время спустя. Свидетельством этого являются явно перепутанные листы и даты нескольких заседаний Негласного Комитета. Поэтому записки носят отрывочный характер и не отражают полностью всего того, что обсуждалось на заседаниях. Во-вторых, логически странным выглядит перерыв почти в полтора года, после которого деятельность Негласного Комитета вновь возобновилась только на четыре заседания. В-третьих, в мемуарах А. Чарторижского ничего не говорится о прекращении заседаний Негласного Комитета после 1803 г. Наоборот, описывая внешнеполитические акции России в 1803–1804 гг., он постоянно

упоминает, что они вырабатывались в кругу «молодых друзей» (*Чарторижский*, 1912, с. 353). Кроме того, П. А. Строганов в письме к Н. Н. Новосильцеву от 27 октября 1804 г. писал: «Мы имели недавно заседание у императора» [*Пытин*, 1871, с. 118]. Следовательно, весьма вероятен факт работы Негласного Комитета и в 1804 г. В-четвертых, А. Чарторижский доказывал императору, что выход из того тяжелого положения, в которое попала страна после Аустерлица, заключается в «восстановлении единства правительственной деятельности, уничтожение которой и было основной причиной несчастий России» (*Чарторижский*, 1913, с. 88–89). Уничтожение этого единства А. Чарторижский относил ко времени отъезда императора из родового имения Чарторижских в Пулавах в сентябре 1805 г., когда император «удалил от себя лиц, пользовавшихся до того времени его доверием, бывших в курсе всех дел», после чего «лица, выработавшие прежний план, не созывались вновь, чтоб совместно обсудить и продумать средства лучше и успешнее довести его (т.е. план) до конца» (Там же, с. 107–109, 121–122). 11 ноября 1806 г. А. Чарторижский и Н. Н. Новосильцев представили императору записку с предложением возродить «прежний Комитет общественного спасения, который желал бы вновь собраться», чтобы обсудить пути выхода из кризиса, в котором оказалась Россия после Аустерлица [*Сафонов*, 1976, с. 198]. Александр I вроде бы согласился, решив организовать заседание Комитета 15 ноября «после обеда в 6 часов» (*Чарторижский*, 1912, с. 148–149). Состоялось ли это заседание, в мемуарах не сообщается.

На основе вышеприведенных фактов М. М. Сафонов приходит к выводу, что Негласный Комитет проводил свои заседания как минимум до сентября 1805 г., причем не исключено, что его существование было и более продолжительным.

Аргументы, выдвинутые М. М. Сафоновым, представляются вполне логичными и обоснованными, хотя до сих пор в большинстве учебников и учебных пособий приводится старая точка зрения о хронологических рамках деятельности Негласного Комитета без всяких оговорок [*Дворниченко* и др., 2009, с. 220–221; *Деревянко, Шабельникова*, 2011]⁴. По нашему мнению, странно выглядит ситуация, когда заседания Негласного Комитета интенсивно велись почти год с июня 1801 г. по май 1802 г., а члены Комитета собирались у императора для обсуждения различных вопросов в среднем два раза в неделю (о чем неоднократно упоминает в своих мемуарах А. Чарторижский), за исключением двух небольших перерывов, связанных с коронацией в Москве в сентябре 1801 г. и поездки Александра I в Мемель на встречу с королем Пруссии весной 1802 г., а затем вдруг прервались почти на полтора года, чтобы возобновиться на две недели в октябре – ноябре 1803 г. и прекратиться навсегда. Если бы не было этого перерыва в заседаниях Негласного Комитета с мая 1802 г. по октябрь 1803 г., то официальная точка зрения о времени его существования выглядела бы вполне логично и непротиворечиво. Но «камнем преткновения» оказался именно этот перерыв. Вероятно, до нас просто не дошли все записи П. А. Строганова о заседаниях Негласного Комитета. Мы до сих пор не располагаем полной информацией об обстоятельствах обнаружения этих документов. Мы не знаем, полностью ли П. А. Строганов записывал все, что обсуждалось на заседаниях Негласного Комитета или выборочно. Поэтому делать далекоидущие выводы на основе всего лишь одного источника, к тому же явно фрагментарного, вряд ли возможно.

Таким образом, верхняя граница деятельности Негласного Комитета, по нашему мнению, должна быть отодвинута, скорее всего, до сентября 1805 г., а вполне возможно и до 1807 г., что косвенно подтверждает почти одновременная отставка с министерских постов всех членов Негласного Комитета.

Что касается начальной даты существования Негласного Комитета, то все источники называют 24 июня 1801 г. как дату первого заседания Комитета. Но если подходить к делу не с формально-юридической, а с фактической стороны, то начало деятельности Негласного Комитета можно обозначить 1797 г., когда начал функционировать оппозиционный кружок Александра I, чаще всего именуемый кружком «молодых друзей».

Оснований, достаточных для того, чтобы считать деятельность этого кружка в качестве подготовительного этапа в истории Негласного Комитета, по нашему мнению, достаточно много. Во-первых, либерально настроенный Александр познакомился летом 1792 г. с В. П. Кочубеем, в начале 1795 г. с П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым, а в апреле 1796 г. с А. Чарторижским, т.е. со всеми будущими членами Негласного Комитета. Целью этих знакомств по образно-

му выражению А. Чарторижского было «заполнение той умственной пустоты, которая образовалась вокруг молодого цесаревича после отъезда Лагарпа» (*Чарторижский*, 1912, с. 84–85).

По его свидетельству, их объединяла общность взглядов по поводу перспектив развития страны, все они были воспитаны на идеалах Просвещения, ненавидели деспотизм и желали перемен в общественном и государственном строе России. Кружок начал функционировать в апреле 1797 г. и просуществовал до лета 1799 г., когда из-за предполагаемой связи с участниками Смоленского заговора Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей и А. Чарторижский подверглись опале и вынуждены были уехать за границу. Во-вторых, во время существования этого кружка были в общих чертах разработаны цели и принципы будущих реформ: секретность, постепенность, воздействие на общественное мнение в духе просветительских идей через публикацию переводов произведений ведущих представителей философии Просвещения.

Для этого на средства Александра было организовано издание «Санкт-Петербургского журнала» [*Иванова*, 2019]. Одновременно по его поручению В. П. Кочубей обратился к своему дяде А. А. Безбородко с просьбой составить записку с проектом будущих преобразований. Записка была им написана в 1798 г. или в начале 1799 г. под названием «О составлении законов Российских». В ней предполагалось провести в будущем ряд политических и социальных реформ в духе концепции «истинной монархии»: установить режим строгой законности, провести реформу Сената с его постепенным превращением в представительный законосовещательный орган власти и реформу государственного управления, продолжить курс на улучшение положения крестьян и горожан и т.д. [*Григорович*, 1879–1880, с. 643–646; *Грацианский*, 1984, с. 81–82].

«Молодые друзья» восприняли эту записку с энтузиазмом как план будущих реформ. Наконец, А. Чарторижским по поручению Александра был составлен проект Манифеста, который собирались опубликовать при его воцарении. В нем провозглашалась необходимость нового государственного устройства, основанного «на принципах разумности и справедливости», а конечной целью было дарование России Конституции (*Чарторижский*, 1912, с. 135–136).

Таким образом, есть все основания считать, что деятельность кружка 1797–1799 гг. была первым подготовительным этапом деятельности Негласного Комитета. Именно тогда была создана программа будущих преобразований, сформулированы цели и принципы будущих реформ.

Состав Негласного Комитета

В этом вопросе основной дискуссионный момент заключается в том, считать ли Александра I и Ф. Лагарпа членами Негласного Комитета? По дошедшим до нас источникам, в качестве постоянных участников фигурируют «молодые друзья» Александра I: П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей и А. Чарторижский. При этом, по воспоминаниям А. Чарторижского, на всех заседаниях Комитета специальное кресло было приготовлено для Ф. Лагарпа, которого молодой император после прихода к власти пригласил приехать в Россию. Лагарп приехал в Россию в августе 1801 г. и пробыл до мая 1802 г., если исходить из «Протоколов» П. А. Строганова. Однако, будучи одним из руководителей Гельветической республики, ни на одном из заседаний Негласного Комитета он не присутствовал из этических соображений, боясь скомпрометировать своего бывшего воспитанника. Тем не менее Александр I и «молодые друзья» постоянно встречались с Лагарпом, переписывались с ним практически по всем основным вопросам, обсуждавшимся на заседаниях Комитета. Нужно отметить, что «молодые друзья» скептически относились к советам Ф. Лагарпа и считали его «ниже той репутации, которой он пользовался в глазах императора» (*Чарторижский*, 1912, с. 237–238). Но в любом случае он сыграл значительную роль в деятельности Негласного Комитета. По нашему мнению, его можно считать своеобразным ассоциированным членом Негласного Комитета в период нахождения его в России. Кроме того, к обсуждению проектов реформ привлекались в качестве экспертов и представители высших сановных кругов, которых «молодые друзья» считали своими единомышленниками. Прежде всего А. Р. Воронцов, С. Р. Воронцов, Н. С. Мордвинов, П. А. Завадовский, хотя напрямую в заседаниях Негласного Комитета они не участвовали (*Чарторижский*, 2021, с. 223)⁵. А. Р. Воронцов стал инициатором создания «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г., составив первоначальный проект из 20 статей [*Сафонов*, 1988, с. 129–131; *Захаров*, 2002, с. 97–113]. Поэтому вышеперечисленных государственных деятелей также можно считать причастными к деятельности Негласного Комитета.

Негласный Комитет в расстановке политических сил в придворных кругах

По вопросу о месте Негласного Комитета в расстановке сил в придворных кругах и целях его деятельности существуют три основных точки зрения. Согласно первой, члены Негласного Комитета и Александр I были единомышленниками и задумали провести серьезные реформы в целях приспособления к новым реалиям, «духу времени» [Пыпин, 1871; Пресняков, 1924; Предтеченский, 1957; Сахаров, 1998], хотя вел. кн. Николай Михайлович считал, что молодой император был с самого начала консерватором и либерально настроенным «молодым друзьям» удалось с огромным трудом чуть ли не принудить его к реформам [Вел. кн. Николай Михайлович, 1903, с. I–XX]. Примерно такой же позиции придерживалась Н. В. Минаева [Минаева, 1982, с. 53–72].

Согласно второй точке зрения, «критической», члены Негласного Комитета предстают собранием самонадеянных, малокомпетентных молодых людей (Богданович, 1866, с. 155–210). Их деятельность привела к усилению процесса бюрократизации, противоположного истинным интересам России [Градовский, 1866, с. 264–280]. Другой вариант этой концепции предложил М. В. Довнар-Запольский, который поставил под сомнение либерализм «молодых друзей». В его интерпретации Негласный Комитет был «собранием советников государя, которые стремились руководить государем, управлять с ним и за него» [Довнар-Запольский, 1910, с. 35–76].

Согласно третьей точке зрения, создание Негласного Комитета было обусловлено дворцовым переворотом 1801 г., стремлением пришедшего к власти Александра I сохранить прерогативы абсолютного монарха, т.е. Негласный Комитет исполнял роль своеобразного заслона перед сенатской оппозицией [Шильдер, 1897, с. 93–116, 330–348; Окунь, 1956, с. 115–126]. Похожей точки зрения придерживается и М. М. Сафонов. При этом не отрицаются и возможные карьеристские мотивы у ряда членов Негласного Комитета [Сафонов, 1988, с. 236–243].

Наиболее сложным является вопрос об истинных целях создания Негласного Комитета. Официальную версию изложил П. А. Строганов в записи «протокола» первого заседания Негласного Комитета, состоявшегося 24 июня 1801 г. Главной целью провозглашалась «систематическая работа над реформой безобразного здания государственной администрации». Общую работу по подготовке реформ планировалось разделить на три этапа: ознакомиться с реальным положением дел в империи «во всех ее частях», провести административные реформы во всех частях управления и «увенчать преобразования составлением уложения». М. И. Богданович и Н. К. Шильдер считали, что под «уложением» имелся в виду новый свод законов вместо безнадежно устаревшего Соборного Уложения 1649 г. А. Н. Пыпин, А. Е. Пресняков предполагают, что имелась в виду Конституция.

Что понимали под Конституцией «молодые друзья»? Ответ на этот вопрос можно найти в еще одной записке П. А. Строганова «О состоянии нашей конституции»: «Конституция – это закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые непременно, поскольку они требуют видоизменений, объяснений и т.д., должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства...» [Вел. кн. Николай Михайлович, 1903, с. 40–42]. Из приведенного отрывка видно, что под конституцией «молодые друзья» понимали фундаментальные законы. Но предполагалось ли при этом создание народного представительства (парламента) с законодательными функциями и постепенное превращение России в конституционную монархию, сказать сложно [Сафонов, 1988, с. 92–97, 236–243; Арискина, 2015, с. 335–336].

Парадокс заключается в том, что «молодые друзья», будучи сторонниками конституционного строя, в то же время выступили резко против идеи превращения Сената в конституционное учреждение с ограничительными полномочиями [Вел. кн. Николай Михайлович, 1903, с. 135–151]. Это явное расхождение между словом и делом стало главной причиной обвинения рядом историков (А. Д. Градовским, М. В. Довнар-Запольским) «молодых друзей» в беспринципности и неприкрытом карьеризме.

Подчеркнем, что вопрос о карьеристских мотивах деятельности «молодых друзей» однозначно решить сложно. С одной стороны, А. Чарторижский в своих мемуарах указывал, что «девизом нашего союза было – стоять выше всяких личных интересов и не принимать ни отли-

чий, ни наград» (*Чарторижский*, 2021, с. 184). С другой стороны, он пишет, что этот девиз довольно быстро перестал быть по вкусу его коллегам, обвинив кн. В. П. Кочубея в жажде назначений, отличий и богатства (Там же, с. 185). Отметим, что после проведения министерской реформы все «молодые друзья» получили важные правительственные посты: В. П. Кочубей был назначен министром внутренних дел, П. А. Строганов стал его заместителем, Н. Н. Новосильцев – товарищем министра юстиции, продолжая исполнять обязанности личного секретаря императора, А. Чарторижский – товарищем министра иностранных дел, а в 1804–1806 гг. был министром иностранных дел. Кроме того, при проведении реформы в сфере образования и разделения страны на учебные округа А. Чарторижский был назначен попечителем Виленского учебного округа, а Н. Н. Новосильцев – попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Казалось бы, вот оно прямое и объективное подтверждение неприкрытого карьеризма членов Негласного Комитета.

Однако можно дать и другое объяснение. Молодой и неопытный Александр I, попав в сложную ситуацию после дворцового переворота 11 марта 1801 г., нуждался в поддержке и собственной команде сторонников. Кружок «молодых друзей» как нельзя лучше подходил для реализации этих целей⁶. К тому же «карьеристской» концепции деятельности Негласного Комитета противоречит практически солидарная отставка всех «молодых друзей» с министерских постов в 1806–1807 гг., явно по их собственной инициативе.

Что касается вопроса о том, какое место занимали члены Негласного Комитета в расстановке сил у вершины политического Олимпа и были ли они единомышленниками с Александром I, то ответить на него можно следующим образом. В нюансах они могли расходиться, иногда довольно серьезно, но общее понимание того, в каком направлении должна развиваться Российская империя, было почти одинаковым – это осознание необходимости проведения серьезных реформ в политической сфере, социальной сфере и в сфере образования. Сложившееся в историографии разделение политической элиты на три группировки («молодых друзей», «екатерининских стариков» и «заговорщиков») нам представляется в целом обоснованным. Но в то же время взаимоотношения между этими группировками видятся намного более сложными. Так называемые «заговорщики» (братья Зубовы, П. А. Пален, Н. П. Панин) в союзе с частью «екатерининских вельмож» (прежде всего с Г. Р. Державиным) выступали за ограничение императорской власти Сенатом. Казалось бы, примерно за то же самое выступали Александр I и «молодые друзья». Но на самом деле при кажущемся сходстве в их позициях было существенное различие. «Молодые друзья» планировали проводить политические и социальные реформы одновременно. Но «майский инцидент» 1801 г., когда Непременный Совет высказался резко против инициативы Александра I издать указ о запрете продажи крестьян без земли, показал, как будет вести себя Сенат по отношению к социальным реформам, если ему предоставить законодательные полномочия. Именно этим объясняется, почему «молодые друзья» стали призывать Александра сохранить временно всю полноту власти и не соглашаться на реформу Сената по проекту П. А. Зубова – Г. Р. Державина. Подобную позицию «молодых друзей» поддержала значительная часть «екатерининских стариков» (братья А. Р. и С. Р. Воронцовы, Н. С. Мордвинов, П. В. Завадовский и др.), которых раздражало вторичное возвышение клана Зубовых. В результате возник своеобразный союз «молодых друзей» и большинства «екатерининских стариков» против «заговорщиков» и примкнувшего к ним меньшинства «екатерининских стариков» (Г. Р. Державина). Все попытки П. А. Зубова пойти на компромисс (реформа Сената в духе аристократического конституционализма в обмен на указ о запрете продажи крестьян без земли и постепенный выкуп государством дворовых) успеха не имели [*Сафонов*, 1988, с. 141–146].

Такими нам видятся расстановка политических сил в 1801–1802 гг. и место среди них Негласного Комитета. При этом нельзя исключать, что при общих подходах у каждого из «молодых друзей» существовали собственные мотивы участия в деятельности Негласного Комитета, не исключая и карьеристских.

Вопрос о степени радикальности взглядов «молодых друзей»

Любой исследователь деятельности Негласного Комитета неизбежно сталкивается с обвинениями «молодых друзей» со стороны их недоброжелателей в некомпетентности и чрезмерном радикализме, стремлении чуть ли не внедрить в России идеи Французской революции. Во-

площением этих обвинений стал знаменитый эпитет «якобинская шайка», автором которого, скорее всего, являлся Г. Р. Державин. Были ли основания у подобного рода обвинений?

С одной стороны, вроде бы были. Во-первых, П. А. Строганов и В. П. Кочубей побывали в революционной Франции (первый в 1789–1790 гг., второй в 1790–1791 гг.). И если В. П. Кочубей занимал позицию стороннего наблюдателя, то П. А. Строганов под влиянием своего учителя Ж. Ромма принял самое активное участие, вплоть до вступления в августе 1790 г. в Якобинский клуб под именем Павла Очера [Далин, 1970, с. 9–21]. Во-вторых, все участники Негласного Комитета вступили в масонское братство. В-третьих, бывший наставник Александра I Ф.-Ц. Лагарп, которого «молодые друзья» называли пятым участником Негласного Комитета, являлся одним из руководителей Гельветической республики в Швейцарии, созданной явно по образцу Французской республики. Естественно, это служило почвой для распространения слухов и подозрений, что он может попытаться через своего воспитанника внедрить республиканские идеи в России. Наконец, масла в огонь подливали сами «молодые друзья», называвшие Негласный Комитет Комитетом общественного спасения.

С другой стороны, вырисовывается иная картина. А. Чарторижский неоднократно упоминает, что к 1801 г. политические взгляды «молодых друзей» стали гораздо более умеренными, по сравнению с 1790-ми гг. За исключением крестьянского вопроса (да и то с оговорками), особого радикализма у «молодых друзей» по другим вопросам (особенно политического характера), обсуждавшимся на заседаниях Негласного Комитета, мы не обнаружим [Вел. кн. Николай Михайлович, 1903, с. 111–112]. Скорее, наоборот, члены Негласного Комитета постоянно тормозили инициативы ограничительного характера со стороны «заговорщиков» и призывали молодого императора не торопиться отказываться от всей полноты власти.

По многим вопросам «молодые друзья» выступали с более умеренных позиций, чем сам Александр I. Обвинения в «якобинстве» со стороны того же Г. Р. Державина объясняются, скорее всего, конфликтом поколений и элементарной обидой на «выскочек» [Захаров, 2021, с. 145–152].

Итоги деятельности Негласного Комитета. Можно ли его считать «теневым правительством»?

В историографии среди значительной части исследователей сложилось мнение о бессистемности работы Негласного Комитета, что, в свою очередь, породило минимальные результаты его деятельности в целом [Вел. кн. Николай Михайлович, 1912, с. 20–27]⁷. В качестве реальных итогов деятельности Негласного Комитета называются реформа Сената и министерская реформа 1802 г. Также обычно упоминается указ 12 декабря 1801 г. о предоставлении недворянам права приобретать в собственность ненаселенные земли. На этом, как правило, перечень заканчивается.

Получается, действительно, маловато. Но так ли это на самом деле? Чтобы всесторонне оценить итоги деятельности Негласного Комитета, нужно соотнести их с целями его создания. Вот к каким выводам пришли авторы.

Цели создания Негласного Комитета были двоякими. С одной стороны, он создавался для разработки глубоких преобразований всех сторон общественной жизни. Они должны были преследовать общую цель – предотвращение возможной революции и вывод страны на новый более прогрессивный этап развития. С другой стороны, Негласный Комитет создавался для борьбы с ограничительными замыслами «заговорщиков» и сохранением всей полноты власти у Александра I. По большому счету, вторая цель была полностью реализована. Александр не только сохранил всю полноту власти, но и довольно быстро удалил из столицы всех активных участников заговора против его отца. Что касается первой цели, то полностью реализована она не была. Коронационный проект Жалованной грамоты российскому народу 1801 г. принят не был. К работе над самой конституцией так и не приступили. Положение основной массы крепостных крестьян существенно не изменилось.

С другой стороны, нельзя не признать, что в 1801–1805 гг. существенно изменилась система центрального управления. Высшими органами исполнительной власти стали министерства, основанные на принципе единоначалия и заменившие явно устаревшие коллегии (Манифест императора Александра I..., 1830). По реформе 1802 г. Сенат лишился большей части административных полномочий, превратившись в высший орган судебной власти (О правах и обязанностях Сената, 1830). По сути, это означало реализацию принципа разделения властей

как основы будущей конституции, хотя сама она принята не была [Богданович, 1869, с. 98–99; Сафонов, 1988, с. 203–205].

В социальной сфере был взят курс на постепенную отмену крепостного права, выразившийся в указах 12 декабря 1801 г., отменявший монопольное право дворян на владение землей, и указ о «вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 г. (О предоставлении..., 1830; Об отпуске помещиком крестьян..., 1830). В 1804 г. начала проводиться аграрная реформа в Остзейском крае, в ходе которой был опробован другой возможный вариант отмены крепостного права – безземельное освобождение крестьян, но без выкупа (Положение о лифляндских крестьянах, 1830). Обе реформы означали окончательный переход правительства к курсу на постепенную отмену крепостного права.

Наконец в сфере образования в 1802–1804 гг. были созданы пять новых университетов и на их основе, с учетом уже существовавшего Московского университета, образовано шесть учебных округов с четырехступенчатой унифицированной системой образовательных учреждений. Кроме того, в 1804 г. были приняты Университетский и Цензурный уставы, ставшие одними из самых либеральных в Европе. Перечень этих мероприятий показывает, что деятельность Негласного Комитета отнюдь не была безрезультатной, хотя реализовано в силу ряда причин было далеко не все, что задумывалось.

Конечно, авторами в силу ограниченности объема статьи был рассмотрен далеко не полный перечень дискуссионных вопросов, касающихся деятельности Негласного Комитета. Тема эта отнюдь не исчерпана и предполагает дальнейшее изучение с использованием всего комплекса известных на данный момент источников, поиском новых источников и учетом наработок и достижений отечественной и зарубежной историографии.

Примечания

¹ М. И. Богданович впервые использовал записи П. А. Строганова, переданные ему его потомками и получившие впоследствии название «Протоколы Негласного Комитета». Правда, в приложении к своей книге он поместил не оригинальный текст, а свой собственный пересказ этих «Протоколов».

² Использовались и другие формулировки: Неофициальный Комитет, Интимный Комитет, Секретный Комитет.

³ Существует несколько вариантов написания фамилии: Чарторыйский, Чарторижский, Чарторыжский, Чарторыский. Авторы данной статьи используют вариант написания фамилии князя, указанный в первом дореволюционном издании его мемуаров, – Чарторижский.

⁴ К сожалению, концепция М. М. Сафонова осталась не замеченной авторами официальной учебной литературы. Большинство авторов упорно указывают старые хронологические рамки деятельности Негласного Комитета (1801–1803 гг.), не делая даже оговорки о существовании вполне обоснованной точки зрения о продлении этих сроков как минимум до 1805 г. В учебном пособии М. Н. Зуева указывается предельно общая формулировка о деятельности Негласного Комитета – «начало XIX в.» [Зуев, 2013, с. 210].

⁵ В мемуарах князя А. Чарторижского есть одна интересная фраза, относящаяся к событиям, связанным с министерской реформой 1802 г.: «Император поддерживал с некоторыми лицами непосредственные сношения и иногда вводил таких людей в наши собрания». Получается, что время от времени на заседания Негласного Комитета приглашались люди со стороны.

⁶ Такой позиции в разных вариациях придерживались историки Н. К. Шильдер, С. Б. Окунь, а в настоящее время М. М. Сафонов и Ю. Э. Арискина.

⁷ Вел. князь Николай Михайлович при всей симпатии к «молодым друзьям» считал, что работа Негласного Комитета шла рывками, непродуманно, а результаты были ничтожными по сравнению с тем, что было задумано.

Список источников

Богданович М.И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–1805) // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 155–210.

О предоставлении купечеству, мещанам и казенным поселянам приобретать покупкой землю // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVI, 12 декабря 1801, № 20075.

Манифест императора Александра I об учреждении министерств // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVII, 8 сентября 1802, № 20406.

О правах и обязанностях Сената // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVII, 8 сентября 1802, № 20405.

Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVII, 20 февраля 1803, № 20620.

Положение о ливонских крестьянах // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVIII, 20 февраля 1804, № 21162.

Чарторижский А. Мемуары кн. Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1912. Т. I. 388 с.

Чарторижский А. Мемуары кн. Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1913. Т. II. 362 с.

Чарторижский А. Воспоминания князя А. Чарторижского, министра иностранных дел Российской империи (1776–1809). М.: Изд. В. Секачев, 2021. 302 с.

Библиографический список

Арискина Ю.Э. Негласный Комитет и его деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 364 с.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1869. Т. I. 382 с.

Валлоттон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991. 397 с.

Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903. Т. II. 386 с.

Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Т. I. 636 с.

Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1866. 284 с.

Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. 253 с.

Григорович В. Канцлер А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879–1880. Т. II. 736 с.

Далин В.М. Первый русский якобинец // Люди и идеи. М.: Наука, 1970. С. 9–21.

Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. М.: Проспект, 2009. 479 с.

Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России. М.: Проспект, 2011. 557 с.

Демкин А.В. «Дней Александровых прекрасное начало». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 317 с.

Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 г. // Из истории общественных течений в России. Киев: Изд. Ив. Ив. Самоненко, 1910. 333 с.

Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – 1-й четверти XIX вв. Историкографические очерки. Липецк: Изд-во ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 2. 358 с.

Захаров В.Ю. Всемиловейшая грамота, российскому народу жалуемая 1801 г., в контексте развития конституционных идей в России во 2-й пол. XVIII – начале XIX вв. М.: Прометей, 2002. 191 с.

Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й пол. XVIII – 1-й четверти XIX вв. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. Ч. 1. 512 с.

Захаров В.Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – 1-й четверти XIX в. // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.

Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм 2-й пол. XVIII – 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительного анализа. М.: Прометей, 2017. Т. II. 646 с.

Захаров В.Ю. Негласный Комитет и дворянское общественное мнение: сотрудничество или конфронтация? // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. М.: Спутник+, 2021. С. 145–152.

- Зуев М.Н.* История России. М.: Юрайт, 2013. 655 с.
- Иванова А.А.* Система воззрений и деятельность И.П. Пынина в контексте социально-политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2019. 24 с.
- История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. IV. 743 с.
- Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 291 с.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.
- Окунь С.Б.* История СССР: 1796–1825. Курс лекций. Л.: Изд-во и тип. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1948. 492 с.
- Окунь С.Б.* Очерки истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX вв. Л.: Учпедгиз, 1956. 416 с.
- Писарькова Л.Ф.* Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник Рос. ун-та дружбы народов (РУДН). История России. 2009. № 4. С. 35–51.
- Писарькова Л.Ф.* Власть и общество в 1803–1809 гг.: на пути к реформам государственного управления 1810–1811 гг. // Российская история. 2011. № 6. С. 52–72.
- Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л.: Изд-во акад. наук СССР, 1957. 456 с.
- Пресняков А.Е.* Александр I. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1924. 188 с.
- Приходько М.А.* Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX века // Тр. ист. факультета С.-Петерб. ун-та. 2012. № 11. С. 119–129.
- Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Издание «Вестника Европы», 1871. 487 с.
- Рэй М.-П.* Александр I / пер. с фр. А.Ю. Петрова и А.Ю. Терещенко. М.: Росспэн, 2013. 494 с.
- Сафонов М.М.* Протоколы Негласного Комитета // Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Л.: Наука, 1976. Вып. VII. С. 191–209.
- Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 247 с.
- Захаров А.Н.* Александр I. М.: Наука, 1998. 287 с.
- Филиппова Н.П.* Негласный Комитет и проблема реформирования России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 23 с.
- Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху: Негласный Комитет Александра I // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2018. № 3 (151). С. 164–185.
- Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб.: А.С. Суворин, 1897. Т. II. 450 с.
- Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. New Jersey, 1966. 159 p..

Дата поступления рукописи в редакцию 10.10.2022

ACTIVITIES OF THE SECRET COMMITTEE: NEW APPROACHES TO SOLVING CONTROVERSIAL ISSUES

O. V. Erokhina

Moscow State Pedagogical University, Vernadsky av., 88, 119571, Moscow, Russia;
Moscow State Technical University, Rubtsovskaya emb., 2/18, 105082, Moscow, Russia
ov.erokhina@mpgu.su/
ORCID: 0000-0001-5158-7110
ResearcherID: HRE-0060-2023
Scopus Author ID: 57210936427

V. Y. Zakharov

Moscow State Pedagogical University, Vernadsky av., 88, 119571, Moscow, Russia;
Moscow State Technical University, Rubtsovskaya emb., 2/18, 105082, Moscow, Russia

ivz1974@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4308-5943

Scopus Author ID: 57222963113

In the first years of the reign of Alexander I, a Secret Committee (a circle of “young friends”) was created, which had a certain impact on the formation of domestic and foreign policy. Its participants believed that they should focus on studying the state of affairs in the Russian Empire to further prepare and implement the necessary transformations. It was attended by P.A. Stroganov, his cousin N.N. Novosiltsev, V.P. Kochubey and A. Chartorizhsky. Under the influence of the Secret Committee, Alexander I carried out part of the reforms in the early 19th century. However, the “young friends” acted unofficially and with a certain degree of secrecy. Therefore, there was no official records management of its meetings. These factors will later lead to the emergence of different points of view regarding the activities of the Secret Committee. The authors of the article pursue several goals: to determine the chronological framework for the existence of the Secret Committee, the composition and goals of the Committee, to identify its place in the political system of the Alexander era, to establish its role in the balance of power in court circles, and to evaluate its activities. Sources and the currently existing literature on the Secret Committee were analyzed to reveal these goals. The authors conclude that the upper limit of the activities of the Secret Committee should be increased at least until 1805, and the lower limit should be considered not the first meeting on June 24, 1801, but the activities of the “young friends” circle in 1797–1799 as a kind of preparatory stage. According to the authors, Alexander I, who chaired its meetings and set the agenda, as well as F. La Harpe as a kind of associate member, should be included in the Secret Committee. On the question of the place of the Secret Committee in the alignment of political forces in court circles, the authors state that the Secret Committee played a dual role. On the one hand, it was a new “command” and support for the young emperor, created to develop and conduct serious political and social reforms, and at the same time served as a kind of barrier against attempts by “conspirators” and part of the Catherine's old men, led by G.R. Derzhavin, to limit the supreme power in aristocratic interests. After analyzing the list of events held by the Secret Committee, it was found that its activities were not inconclusive, although for a number of reasons not all of the plans were implemented.

Key words: Secret Committee, “young friends”, Alexander I, Russian Empire, reform activity.

References

- Ariskina, Yu.E. (2015), *Neglasnyy Komitet i ego deyatelnost* [The Secret Committee and its activities], PhD dissertation, Moscow, Russia, 364 p.
- Bogdanovich, M.I. (1869), *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossiya v ego vremya* [The history of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time], vol. 1, Tipografiya F. Sushchinsky, St. Petersburg, Russia, 382 p.
- Dalin, V.M. (1970), “Pervyy russkiy yakobinets”, in *Lyudi i idei* [People and ideas], Nauka, Moscow, USSR, pp. 9–21.
- Demkin, A.V. (2012), «Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo». *Vnutrennyaya politika Aleksandra I v 1801–1805 gg.* [“The Days of the Alexandrovs are a wonderful beginning”. The internal policy of Alexander I in 1801–1805], Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 317 p.
- Derevyanko, A.P. & N.A. Shabelnikova (2011), *Istoriya Rossii* [History of Russia], Prospekt, Moscow, Russia, 557p.
- Dolgikh, A.N. (2018), «Uvizhu I, o druzya, narod neugnetenny...»: *rossiyskoye dvoryanstvo i krestianskiy vo-pros v XVIII – 1-oy chetverti XIX vv. Istoriograficheskiye ocherki* [“Will I see, O friends, the undisturbed people...”: the Russian nobility and the peasant question in the 18th –1st quarter of the 19th centuries. Historiographical essays], LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, Lipetsk, Russia, vol. 2, 358 p.
- Dovnar-Zapolskiy, M.V. (1905), “Zarozhdeniye ministerstv v Rossii i ukaz o pravakh Senata 8 sentyabrya 1802 g.”, in *Iz istorii obshchestvennykh techeniy v Rossii* [From the history of social movements in Russia], Iz-danie Iv. Iv. Samonenko, Kiev, Russia, pp. 55–116..
- Dvornichenko, A.Yu., Tot, Yu.V. & M.V. Khodyakov (2009), *Istoriya Rossii* [History of Russia], Prospekt, Moscow, Russia, 479 p.
- Filippova, N.P. (2017), *Neglasnyy Komitet i problema reformirovaniya Rossii* [The Secret Committee and the problem of reforming Russia], Extended abstract of PhD dissertation, Saransk, Russia, 23 p.
- Frede V. (2018), “Public opinion, its appearance from above: The Secret Committee of Alexander I. Translated from the English by G. Besedina”, *New Literary Review: theory and History of Literature, Criticism and Bibliography*, № 3 (151), pp. 164–185.
- Gradovskiy, A.D. (1866), *Vyshshaya administratsiya Rossii XVIII stoletiya i general-prokurory* [The Supreme Administration of Russia of the XVIII century and the Prosecutor General], Tipografiya I. Bochkareva, St. Petersburg, Russia, 284 p.
- Gratsianskiy, P.S. (1984), *Politicheskaya i pravovaya mysl Rossii vtoroy poloviny XVIII v.* [Political and legal thought of Russia in the second half of the XVIII century], Zakharov, Nauka, Moscow, USSR, 253 p.

- Grigorovich, V. (1879–1880), *Kantsler A.A. Bezborodko v svyazi s sobyitiyami ego vremeni* [Chancellor A.A. Bezborodko in connection with the events of his time], vol. II, Tipografiiy V.S. Balasheva, St. Petersburg, Russia, 736 p.
- Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* (1967) [The history of the USSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution], vol. IV, Nauka, Moscow, USSR, 743 p.
- Ivanova, A.A. (2019), *Sistema vozzreniy i deyatelnost I.P. Pnina v kontekste sotsialno-politicheskoy istorii Rossii na rubezhe XVIII-XIX vv.* [I.P. Pnin's system of views and activities in the context of the socio-political history of Russia at the turn of the 18th and 19th centuries], Extended abstract of PhD dissertation, Voronezh, Russia, 24 p.
- Minayeva, N.V. (1982), *Pravitelstvennyy konstitutsionalizm i peredovoye obshchestvennoye mneniye Rossii v nachale XIX veka* [Governmental Constitutionalism and Advanced Public Opinion in Russia in the early 19th century], Izd-vo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, 291 p.
- Mironenko, S.V. (1989), *Samoderzhaviye i reformy. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the early 19th century], Nauka, Moscow, USSR, 238 p.
- Okun', S.B. (1948), *Istoriya SSSR: 1796–1825. Kurs lektsiy* [History of the USSR: 1796–1825. Course of lectures], Izd-vo i tip. Leningr. gos. ordena Lenina un-ta, Leningrad, USSR, 492 p.
- Okun', S.B. (1956), *Ocherki istorii SSSR: konets XVIII – pervaya chetvert XIX vv.* [Essays on the history of the USSR: the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries], Uchpedgiz, Leningrad, USSR, 416 p.
- Penezhko, O. (2009), *Gorod Chekhov i khramy Chekhovskogo rayona Moskovskoy oblasti* [Chekhov and the temples of the Chekhov district of the Moscow region], Tranzit-IKS, Vladimir, Russia, 271 p.
- Pisarkova, L.F. (2009), “Reformy gosudarstvennogo upravleniya 1801-1802 gg.: zamysly i voploshcheniye”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov (RUDN). Seriya: Istoriya Rossii*, № 4, pp. 35–51.
- Pisarkova, L.F. (2011), “Vlast i obshchestvo v 1803-1809 gg.: na puti k reformam gosudarstvennogo upravleniya 1810-1811 gg.”, *Rossiyskaya istoriya*, № 6, pp. 52–72.
- Predtechenskiy, A.V. (1957), *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoy chetverti XIX v.* [Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the 19th century], Izd-vo akad. Nauk SSSR, Moskva, Leningrad, USSR, 456 p.
- Presnyakov, A.E. (1924), *Aleksandr I* [Alexander I], Brokgauz-Efron, Petrograd, USSR, 188 p.
- Prikhodko, M.A. (2012), “Neglasnyy komitet i razrabotka administrativnykh reform v Rossii v nachale 19th veka”, *Trudy Istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, № 11, pp. 119–129.
- Pypin, A.N. (1871), *Obshchestvennoye dvizheniye pri Aleksandre I* [Social movement under Alexander I], Izdanie «Vestnika Evropy», St. Petersburg, Russia, 487 p.
- Raeff, M. (1966), *Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1732–1905*, Prentice-hall, New Jersey, USA, 159 p.
- Rey, M.-P. (2013), *Aleksandr I* [Alexander I], Rosspen, Moscow, Russia, 494 p.
- Safonov, M.M. (1976), “Protokoly Neglasnogo Komiteta”, in *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny (VID)* [Auxiliary historical disciplines (AHD)], iss. VII, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 191–209.
- Safonov, M.M. (1988), *Problema reform v pravitelstvennoy politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv.* [The problem of reforms in Russian government Policy at the turn of the 18th and 19th centuries], Nauka, Leningrad, USSR, 247 p.
- Sakharov, A.N. (1998), *Aleksandr I* [Alexander I], Nauka, Moscow, Russia, 287 p.
- Shil'der, N.K. (1897), *Imperator Aleksandr Pervyy* [Emperor Alexander the First], vol. II, A.S. Suvorin, St. Petersburg, Russia, 450 p.
- Vallotton, A. (1991), *Aleksandr I* [Alexander I], Progress, Moscow, Russia, 397 p.
- Vel. kn. Nikolay Mikhaylovich (1903), *Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoye issledovaniye epokhi Aleksandra I* [Count Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817), Historical research of the era of Alexander I], vol. II, Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag, St. Petersburg, Russia, 386 p.
- Vel. kn. Nikolay Mikhaylovich (1912), *Imperator Aleksandr I* [Emperor Alexander I], vol. 1, Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag, St. Petersburg, Russia, 636 p.
- Zakharov, V.Yu. & A.N. Ivanova (2016), “Usadby goroda Chekhova (Lopasnya-Zachatyevskoye. Ivanovskoye-Sadki. Solnyshkovo) v sravnitelnoy retrospektive”, in *Istoriya Moskovskogo kraya. Problemy. issledovaniya. novyye materialy* [History of the Moscow region. Problems, research, new materials], iss. VI., Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, Moscow, Russia, pp. 254–273.
- Zakharov, V.Yu. (2002), *Vsemilostiveyshaya gramota rossiyskomu narodu zhaluyemaya 1801 g. v kontekste razvitiya konstitutsionnykh idey v Rossii vo 2-oy pol. XVIII – nachale XIX vv.* [The Most Gracious letter, granted to the Russian people in 1801 in the context of the development of constitutional ideas in Russia in the 2nd half of the 18th – early 19th centuries], Prometey, Moscow, Russia, 191 p.
- Zakharov, V.Yu. (2008), *Evolyutsiya rossiyskogo absolyutizma v kontekste razvitiya konstitutsionnykh idey v Rossii i Evrope vo 2-oy pol. XVIII – 1-oy chetverti XIX vv. Ch.1.* [The evolution of Russian Absolutism in the

context of the development of constitutional ideas in Russia and Europe in the 2nd half of the 18th – 1st quarter of the 19th centuries], Izd-vo Nats. In-ta biznesa, Moscow, Russia, 512 p.

Zakharov, V.Yu. (2011), “Konstitutsionalizm kak variant modernizatsii rossiyskogo absolyutizma v kontse XVIII – 1-oy chetverti XIX veka”, *Rossiyskaya istoriya*, № 6, pp. 31–52.

Zakharov, V.Yu. (2017), *Rossiyskiy i zarubezhnyy konstitutsionalizm 2-oy pol. XVIII – 1-oy chetverti XIX vv.: opyt sravnitel'nogo analiza* [Russian and foreign constitutionalism of the 2nd half of the 18th – 1st quarter of the 19th centuries: the experience of comparative analysis], vol. II, Prometey, Moscow, Russia, 646 p.

Zakharov, V.Yu. (2021), “Neglasnyy Komitet i dvoryanskoye obshchestvennoye mneniye: sotrudnichestvo ili konfrontatsiya?”, in *Klyuchevskiy chteniya 2020. Narod i vlast. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov* [Klyuchevskie readings 2020. The people and the government. Materials of the international scientific conference of young scientists. Collection of scientific papers], OOO «Izdatel'stvo «Sputnik+», Moscow, Russia, pp. 254–273.

Zuyev, M.N. (2013), *Istoriya Rossii* [History of Russia], Izdatel'stvo Yurayt, Moscow, Russia, 655 p.